

В зале любого театра всегда найдется неблагодарный зритель. Большой — не исключение. То там школьник, приведенный заботливым преподавателем на "Евгения Онегина", открыто достанет плеер и погрузится в мир рок-н-ролла, то солдат срочной службы вздремнет на каком-нибудь балете, то обойденный ролью соперник примы расквашается в самом эффектном месте. Но есть в зале и еще один неблагодарный. Тот, кому обычно не нравятся оборочки на костюме горничной, цвет бороды ведущего актера, складочки на занавесочках, обрамляющих ложе главной героини.

Этот человек — тот, кто отвечает за все хозяйство на сцене, зав. пост. частью. Чем больше последние, тем беспокойнее хозяйство. Скажем, Дмитрий Борисович Сергеев, возглавляющий театральные мастерские Большого театра, напоминает главу государства. К счастью, из нашего. А впрочем...

Итак, мастерские Большого театра, театра царского, театра цековского, театра президентского. Нашла я их с трудом, потому что все время принимала выкрашенное в цвет основных зданий ГТГ президентское строение за брошенный людьми, более того, заколоченный навес домишко. Оказалось, там живут люди. Мало того что сами живут — еще и дают жизнь сотням спектаклей.

Мы со дня на день будем переселяться, — объясняет мне Дмитрий Борисович, — начнется реконструкция, обновление всех производственных цехов, их переоборудование. Представляете, уже завтра я вдруг окажусь на новом месте. А может так случиться, что и не окажусь. Может, я в этом здании до пенсии проживу.

Эту тему можно закрывать сразу: понятно, денег у театра на переоборудование мастерских нет. Но и вкладывать деньги в производство сценического материала администрация тоже не вправе, как-никак Большой театр — лишь страны. Вот ее и вертятся как могут. А ведь было время...

Какое было время, тоже говорить нет смысла. Строили мастерские БТ, когда лицо страны, как в целом, так и по отдельным ее частям, отмывали, массажировали, примировали и даже делали ему, лицу, пластические операции. В общем, всеми правдами и неправдами давали это лицо за дуговое. Но одно меня потронуло. Знаете что? Канатная дорога. Во времена Сталина, когда спроектировали и выстроили мастерские, канатка связывала эти помещения с основным зданием. До сих пор сохранились от нее всяческие ролики и прочие запчасти.

— Ну, значит, так. У нас три больших производства, — будничным голосом перечисляет Дмитрий Борисович, — мягкие декорации, куда относятся также пошива эскадрильи кулис, занавесей и изготовление половинок; костюмное — мужское и женское; потом производство жестких декораций, а также изготовление бутафории всех сортов. В свою очередь все это делится...

И понеслось. "Постриженный" цех — усы, бороды, шиньоны; цех головных уборов — чалмы, шляпы, кокошники; цветочный участок — это когда требуются разномастные бутончики в петличку; трикотажный цех — те, кто делает трико для балета; отделочно-ручной, отделочно-тамбурный, обуное производство. Последнее раздваивается на характерную обувь, то бишь обувь для оперных певцов, и балетную, то бишь пунты с носами (жесткими и мягкими), не говоря уже о тапочках для мужчин.

— Вы, скажем, представляете себе бутафорское производство? Это и мебель, и разные металлоконструкции, жесткие каркасы.

Я суждено пытаюсь выплыть из этого перечисления на поверхность.

— Да! — восклицает мой собеседник. — Забыл еще красиво-пачечный цех.

И я иду ко дну. Через пласт информации до меня доносится голос, который называет подобные службы.

— А еще цех химической пропитки. Знаете, ведь все на сцене, кроме непосредственно костюмов исполнителей, необходимо пропитывать специальными противозагорающимися растворами.

ЗАПЛАТЫ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

"Цех росписи тканей, цех химической пропитки, — лихорадочно запоминаю я, — красивый-пачечный, прачечный..." Воображение рисует огромную стиральную машину, ошпаривающую в режиме щадящей стирки от пыли главный занавес главной сцены Большого театра, от одного взгляда на который становится коро-

шо на душе

— Да нет, — морщится Дмитрий Борисович, — ну какой занавес? Они стирают нательное белье артистов.

Нательное белье?!!
— Да не то белье: рубашки, которые надеваются на тело под всякие там шубы, тулупы. Эти рубашки не именные, после каждого спектакля их отправляют в стирку и выдают потом заново.

— А занавес?
— Ну кто же стирает занавес? Пылесосит его. Занавес, кстати, не мы делали. Его изготовили на ткацко-гобеленовой фабрике еще 70 лет назад. Сделали на века: что вы хотите, это ведь золотое ткачество — по шелку золотыми нитями

— И ни разу его еще не ремонтировали?!!
— Постоянно ремонтируем. Скажем, появляется маленькая дырочка. Зрители ее никогда не увидят, никогда. Но я-то вижу. Ну, есть у нас небольшой запас этой самой расшитой ткани, и мы делаем заплаточку. Или махрушечки. Они

обычно появляются на конце портала. Также ни один человек в зале этого не увидит: мы просто задем — время пришло им появиться. Потом, следуя еще от рук артистов остаются в тех местах, где они на выходах, после окончания спектакля, за занавес держатся. В этих местах со временем появляются такие темные складки.



ЗНАЕТ ЛИШЬ ОДИН ХОЗЯИН МАСТЕРСКИХ

Необходимо их убирать. Занавес, кстати, трудно сохранять: температура же постоянная. Софиты? Так он же открыт все время — задерживают занавес лишь непосредственно перед началом представления или если репетируют сразу и артисты, и оркестр. Так что софиты на него почти не действуют.

— Каков из перечисленных производств самый сложный? Лично мне кажется, что пошив костюмов и изготовление балетных тапочек для прим Большого театра.

Да, — соглашается Дмитрий Борисович, — это не просто. Прима, как быбе тапачливые люди, капризны, им не угодишь. Обычно яшии швей "ведут" артистов годами, знают и учитывают малейшее изменение фигуры; конечно, и вкусы звезд Большого им хорошо известны. Тапочка — это тоже проблема. У каждого — своя колодка, мастера наизусть помнят, кому чью подделывать, где там молоточком подбить. Но все-таки не это самое сложное.

Оказывается, труднее всего... Найти нужный материал для различных декораций.

Раньше-то мы вообще выкручивались по-страшному, — вспоминает мой собеседник, — из мешковины ларчу делали; теперь, конечно, проще. Но все равно Скажем, художнику-постановщику нужна ткань в рубчик или цвета необыкновенного. А в магазине ее всего 10 метров. А у нас только задник — 24 на 13 метров. А если сцену надо убрать для концерта, то это 8 пар кулис, 8 пар падуг, задник, а передний занавес — 24 на 12 метров, вот и считайте. А если в складочку сделать, то объем

потребляемой ткани увеличивается в 3 раза.

Еще одна проблема — это время. Спектакль рождается в мастерских 9 месяцев. Если же административная ставит несколько спектаклей сразу — хочется не хвоще, что-то приходится отдавать делать на заказ.

— А они все острят по-другому, — вздыхает хозяин мастерских. — Я, например, всегда отличу на сцене свои декорации от выполненных на стороне.

И, наконец, третья. Спектакль репетируют сразу несколько составов исполнителей. Костюмы готовятся на первый и второй составы. А за две недели до премьеры неожиданно оказывается, что петь или танцевать будет солист из четвертого состава. Вот и приходится мастерам в срочном порядке либо переделывать для него костюм, если фигура исполнителя позволяет, либо шить заново.

— А сколько стоит подготовить один спектакль?

— Самые дорогие — исторические постановки. Скажем, опера Верди "Дон Карлос". Сир Филипп там должен быть в костюме только с воротником "фреза", иначе он будет кто угодно, но только не король.

Мастерские Большого театра — действительно государство в государстве. Со своими законами и порядками. И как в настоящем государстве, здесь порой требуется припастить что-то в качестве ИЗ. Скажем, один из постановщиков любил, чтобы в спектакле были действующие... сетки. Обычные вискозные сетки, которых раньше было предостаточно, а теперь не найдешь днем с огнем. А в мастерских, если похлопаться, обязательно сыщешь. Или финансирование. Опять же что-то — лапты там, сарафаны, армяки — они и в "Хованщине" лапты, сарафаны, армяки, и в "Князе Игоре", и в "Борисе Годунове". Значит, если сделать лучше для обертыв подольше — глядишь, экономия. Или костюмы. Впрочем, нет, костюмы по два раза не используются. Жить остаются только лучшие — костюмы-легенды. Например, здесь берегут как реликвию наряд Джульетты, в котором танцевала Уланова. А рядовые костюмы, как и декорации, умирают вместе со слиянным спектаклем.

— Дмитрий Борисович, — попросила я на прощание, — расскажите мне какие-нибудь байки, а то работа ваша слишком строго выглядит — просто военное производство, а не театр.

— Байки? — озадачился зав. пост. частью. — Ну, вот девушка у нас работала. Сначала она служила в театре первойой. Это такая должность, когда надо на сцене погоду создавать — снег там сверху сбрасывать. Ну вот, был у нее любимый спектакль — "Евгений Онегин". И так бедняжка однажды расчувствовалась, что вместо снежинок в сцене дузлы вымыслали на стареляшках мешок с осенними листьями. Так и сослалась ее к нам, в наказание.

Другой раз ЧП произошло случилось. Давно это было — тогда в спектакле "Лебединое озеро" еще лебедя вышивали. Ну, и убожица однажды ошиблась и прошлась не за задником, а перед нами. Представляете, выплывают лебеди — и вместе с ними появляются женщина с ведром и шабровкой. Смешно? Смешно... Только не для бедной старушки.

Ну, вот вам и байки. Только ведь все они связаны со спектаклями. Сами ведь помните: смешные истории — там, где праздник. А у нас — будни.

Татьяна ФЕДОТКИНА.
Фото Александра КОРНОЩЕНКО.

